

Однажды, теперь кажется — давным-давно, где-то там, на очередном этапе ДЛЯ МЕНЯ ТЕКУЩЕГО ВРЕМЕНИ, между Детством и Юностью, бегущий без оглядки, торопящийся взрослеть, в поисках Любви и с Верой в неизбежность хорошего, я согрелся Надеждой. Я надел её, накинул на плечи, как набрасывают куртку или пиджак, выходя ненадолго из дому прохладным утром, и мне стало тепло. Сразу же отпали сомнения в выборе пути, даль показалась ясной, и я уже не сомневался, что и там, за горизонтом, мне не будет преград. Я теснее и прочнее стал прятать всего себя в новое одеяние, торопливо, но надёжно одеваясь в Надежду и застёгиваясь на все пуговицы.

С того времени не раз случались во всём мире и в моей жизни разные перемены, приходили сомнения, вспыхивали смятения и пытались и силой, и обманом снять с меня Надежду, нанести ей урон. Мы удержались, и моя Надежда осталась со мной.

Пусть и сейчас приходят ко мне разные мысли, корректируются стремления и прокладываются новые пути к Цели, меняется мир, она — моя Надежда — остаётся той же. Надежда помогает мне стоять, плыть в непогоду, сушить подмоченную репутацию, отражать нападки и защищаться ото лжи, фильтровать мысли и отгонять норовящие прицепиться ко мне комплексы. Это она, Надежда, не даёт угаснуть моей Вере и продолжает утверждать, что Любовь не пройдёт мимо. Это она, Надежда, вырабатывает во мне иммунитет на неспра-

ведливость, вселяя самоё себя в мои размышления об устройстве быта, притупляя остроту поставленных мною себе же вопросов, на которые никто, кроме неё, Надежды, правдиво не ответит. Даже четырежды признанные академики или в пятой степени мудрецы.

Иногда, вместо того чтобы думать о хлебе на завтра, продвигаться и развиваться в творчестве, я мучаюсь вопросами о бытии, о сущности человека, его натуре и душе. Вместо того чтобы спать спокойно, настроившись на грядущий день, я вдруг терзаюсь до утра. Моё второе, третье, пятое Я, будоража мои мысли, гонит сон и заставляет и заставляет размышлять и искать ответ на вопрос, не год, не два, не столетие и даже не тысячелетие назад ставший риторическим: почему созданное во (и на) всеобщее благо становится благом для немногих?

И далеко за полночь я разбиваю этот глобальный вопрос на более мелкие и спрашиваю сам себя: почему люди, избранные представлять интересы группы людей, следить за исполнением законов и создавать законы новые, едва став избранными, сразу же забывают про тех, кто избрал их, и первым делом хватаются за решение только их касающихся вопросов, используя при этом себе во благо все данные им права и преимущества, каковых нет, да и не будет у тех, кто их отправил на защиту своих интересов? Почему призванные защищать, беречь в своём государстве своих граждан, проявлять милосердие становятся вдруг вымогате-

жаниями и с помощью силы и оружия запугивают тех, кого обязаны ограждать от несправедливости? И почему это происходит во всех без исключения государствах, как бы они ни назывались и каким бы щитом равноправия и демократии ни прикрывались? Почему – нет, скорее, зачем человек, осознав место своего положения, хрупкость своего существования, столь вяло взрослеет, почти не думает о своём истинном высоком предназначении, а делит с соседом земельный участок, посягает на территорию граничащего с ним государства, собирает денежные знаки сверх того, что может использовать, прячет в тайники драгоценные металлы и очень часто в достижении накопительства становится агрессивным и даже, бывает, лишает жизни соперника? Ради чего? Разве человек, всего лишь чуть напрягая мысль, не может понять, что, в конце концов, ничего ни на этой планете, ни в целой Вселенной ему не принадлежит и принадлежать не будет? Что сам он только частичка Вселенной, и, скорее всего, частичка управляемая, а потому вся его якобы собственность – только иллюзия, и короткое обладание ей больше номинальное, чем реальное? Существующие до его рождения реки, озёра, леса ещё миллионы лет будут и после него, деревья, дающие плоды, будут давать их и дальше, а нерастраченные драгметаллы и дензнаки продолжают путешествие по лицу земли, переключиваясь из рук в руки, возбуждая у людей алчность и отвлекающая их от Главного Предназначения, как возбуждали и отвлекали его, пришедшего на землю для другой цели, которой он не достиг и назначения своего не выполнил.

Такие мысли-вопросы, конечно же, приходили и приходят не ко мне одному и не только бессонными ночами, но и ясными, и ненастными днями, они задавались мною и другими именитым и профессорам, и ака-

демикам, и некоторые из мудрецов, как им казалось и кажется до сих пор, находили и находят на них вроде бы логические ответы.

«Человечество хоть и осознало своё место во Вселенной, но сознание его ещё несовершенно. Мы только поднялись с колыбельки, едва встали на ножки и действительно не торопимся взрослеть. Как и малые дети, плохо ориентируемся и часто ещё не понимаем, что дурно и что хорошо. А от природы человек лукав, амбициозен, паразитизм заложен у него с рождения, и даже самый, казалось бы, справедливый из людей не в силах уйти от соблазна, маленького или большого. Для каждого на земле есть мера, перед которой он не устоит. Поставь тебя перед дилеммой, и ты пойдёшь на сделку с совестью, когда увидишь, что цель близка и нужно лишь немного, чтобы удовлетворить твои амбиции: поступить несправедливо или взять тихо, незаметно то, что пока принадлежит другому. Возьми – и ты встанешь в тот же ряд. И нет разницы: в начале, в середине или на самом закате своей земной жизни ты не устоял перед искушением. Ты всё равно будешь в числе не устоявших», – примерно так говорят мне мудрецы и академики, ссылаясь на опыт поколений и книги, подводя к выводу: «Если ты не использовал свой шанс – сделать свою жизнь легче за счёт другого, то другой использует твои просчёты и возьмёт то, что принадлежит тебе. Так, может, уж сразу перейти в их число, взять на раннем этапе и потом пользоваться этим всю жизнь, не думая о совести и осуждении? Нет ни одного человека из живших на земле, кто бы устоял, а кто говорит, что он безгрешен, лжёт».

«А как же Совесть?! – кричу я подбирающимся ко мне мыслям и в ответ им, учёным, уже немало повидавшим на своём веку, жизнь знающим и сделавшим из прожитого не только теоретические выводы.–

Совість – это Глаз Божий! Он внутри нас и над нами! Он в каждом человеке! Прежде чем совершить поступок, хороший или дурной, человек (каждый человек!) уже знает, что подошёл к запретной или разрешительной черте; он сомневается, делает выбор и советуется с Совестью, и часто (очень часто!) Совесть не даёт ему перешагнуть запретную черту!»

«Но нередко он её перешагивает, – отвечают мне спокойно, но уже с блеском в глазах и постепенно наращивая голос, седовласые и лишённые волос мужи. – Первый раз перешагнёт робко, с оглядкой на вашу Совесть, а второй раз уже смелее, а после – уже не обращая внимания на границы и не советуясь с вашей Совестью, потому что своей у него уже нет. Потому что он потерял не только Совесть, но и Надежду, и уже не верит в светлое! Он уже служит тёмной стороне и на светлой прощён быть не может. Что ж ему остаётся, как не жить ради мгновения для удовольствия и получая удовлетворение от плохих дел? И потом, его начинает согревать уже другая мысль: а может, нет ничего после земной жизни для человека и не будет впереди никакого суда за дурные поступки? Ведь он не встречал людей, бывавших на суде Божьем и Бога, Творца, Создателя видевших. Размышляя так, человек этот вселяет в себя, в своё сознание, ища себе оправдания, цепляясь за какую-то свою, другую надежду, Надежду наоборот».

«Ага! – восклицаю я. – Всё-таки Надежду! Он ищет Надежду на спасение, даже совершая дурные поступки! Значит, Надежда не умирает и в сердце такого человека! Не умирает и умереть не может, как не может быть утеряна им совсем. Хоть кроха её, хоть капля, хоть глоток её, да остаётся у каждого до самого последнего земного часа, и после человек уносит её с собой из мира нашей Яви в другие миры!»

Проворчав что-то невразумительное, побурчав себе под нос, мудрые академики и профессора разводят руки и умолкают.

«Ты прав, ты прав, ты прав...» – слышу я – нет, скорее, чувствую внутренний голос моей Надежды, и вместе с её одобрением мои мысли начинают светлеть, а предчувствия перерастает в уверенность в хорошем, и мне кажется, что истина этого мира приоткрывается; я открываю для себя то, что уже давно открыто: познавая себя, познаёшь мир. Мир, записанный Создателем на матрицу и запущенный программой в огромный компьютер Вселенной, в котором мы все, названные людьми, должны жить и совершенствоваться. Мы, наделённые плотью, душой, духом, совестью, а ещё Надеждой, Верой, Любовью, в суете занятые поиском пропитания, обязательно должны найти свой путь и стать совершеннее. Взрослеть и самосовершенствоваться, не боясь космических катастроф, нелепой смерти, ущемления в правах от чиновников, зная, что Создатель, находясь по ту сторону экрана Вселенского Компьютера, не допустит срыва Программы Нашего Совершенствования.

Летающая с немыслимой скоростью в кипящих потоках Пространства и Времени, окутанная в тонкую, но прочную защитную атмосферу, окружённая и защищённая Луной и Светилами Земля несёт по Вселенной Мощный Единый Развивающийся Интеллект. Миллиарды его частиц в образе людей живут вроде бы каждая своей собственной жизнью – вступают в отношения, отталкиваются друг от друга и мирно сосуществуют, спариваются и производят себе подобных. Обладая умом и интеллектом, они ставят себе Цели, осуществимые и нереальные, и – кто с упорством, а кто вяло – идут к ним. Со временем их внешние

оболочки погибают, а внутренние переходят на другой уровень, и движение к Цели продолжается. Вечное движение.

Где-то там, среди этих миллиардов, и одновременно по другую сторону экрана, в замыслах Творца, живу я. В оболочках своих тел – физи-

ческого и энергетического, окружённый атмосферой своих помыслов, подкрепляемый опытом своих предков, любовью родных, верой в друзей и знакомых, защищённый Творцом и движимый Надеждой, я иду к своей Цели.

Красноярск, август 2009
